

Нет ничего удивительного, что при первой возможности инквизиция заявила о своих правах на «еретичку».

Богословы Парижского университета казались вполне солидарными с отцом-инквизитором. Однако у них были свои счеты с Девой, и они не собирались уступать кому бы то ни было расправу над ней.

В течение многих лет университетская братия жила и жирела благодаря щедротам англо-бургундской партии. Доктора и магистры получали хорошее жалованье, имели многочисленные бенефиции и пребенды. И какого страху нагнало на них появление Жанны под Парижем!..

Забыть это невозможно. В их «святых» душах возникла лютая ненависть к той, которая заставила их трепетать. Покусившаяся на их благополучие должна была погибнуть только по их приговору.

Не менее земными мотивами руководствовался и епископ Кошон. Этим летом он оказался вынужденным покинуть сначала Реймс, а затем и Бове. Он потерял свою епархию только потому, что его прихожане стали на сторону арманьякской Девы. Его, епископа, выгнали, как жалкого проходимца, лишив имущества и дохода. Можно ли было с этим примириться? Пьер Кошон отнюдь не жил по заповедям Христа и, когда его били по правой щеке, не подставлял левую. Какова же была его радость, когда он узнал, что Жанна схвачена на границе его диоцеза! Для него не было сомнений, что он, и только он, вправе судить свою разорительницу, благо она оказалась и еретичкой.

Впрочем, к этим соображениям присоединялись и другие, не менее веские. Совокупности обстоятельств было угодно, чтобы вскоре Кошон стал одной из центральных фигур «большой политики».

В то время когда кардинал Винчестерский еще находился в Лондоне, он обратил особое внимание на одного из членов своей свиты.